

Социально-философский анализ символических репрезентаций роли женщины в конце XIX в.: Офелия и Саломея

Аннотация

Введение. В статье предложены архетипы Офелии и Саломеи как символические конструкции восприятия женщин в общественном сознании на рубеже XIX–XX вв. Данные анти-тетические архетипы – образы покорной и опасной женщины – служили инструментами культурного контроля и нормализации гендерных ролей. Сегодня их значение продолжает быть актуальным для восприятия женственности в современном обществе. Цель статьи – проанализировать, как эти архетипы, укорененные в культурных и художественных традициях конца XIX и начала XX в., выполняют роль инструментов гендерной субъективации в патриархальном дискурсе. Проследивая их философское и социально-политическое влияние, статья стремится выявить, как эти архетипы способствуют исключению женщин из полной субъективности.

Материалы и методы включают синтез, индукцию, дедукцию и сравнительный анализ архетипов Офелии и Саломеи через призму социальной и политической философии. В качестве теоретической основы статьи использованы работы М. Фуко, Д. Батлер, Ж. Лакана, Л. Малви, С. де Бовуар и других мыслителей, а также современная академическая литература по философским, феминистским и культурным исследованиям.

Результаты исследования показывают, что Офелия и Саломея служат противоположными полюсами в патриархальном символическом порядке: одна представляет идеализированное подчинение, другая – опасную автономию. Несмотря на их противоположность, оба архетипа в итоге отрицают истинную субъектность женщин, усиливая бинарные культурные коды, которые регулируют гендерные нормы и социальные роли.

Обсуждение и заключение. Статья подчеркивает необходимость деконструкции этих унаследованных нарративов и переоценки женской субъективности за пределами дихотомии слабости и угрозы. Феминистская критика и культурное переосмысление предлагаются в качестве возможных стратегий сопротивления, допускающих новые способы репрезентации, которые выходят за рамки архетипических ограничений. Предлагаемые положения и выводы формируют базу для дальнейшего изучения и создания системы женских архетипов для периода от начала XX в. и до наших дней.

Ключевые слова: архетипы, женственность, гендерные роли, социальные роли, культурные коды, субъективация, патриархальный порядок, социальный контроль.

Для цитирования: Дроздова А. А. Социально-философский анализ символических репрезентаций роли женщины в конце XIX в.: Офелия и Саломея // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 3. С. 273–283. DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.273-283.

Благодарности: Автор благодарит доктора исторических наук А. А. Макушева за его помощь и участие в обсуждении результатов исследования.

Socio-Philosophical Analysis of Symbolic Representations of Women's Roles at the Turn of the XIX Century: "Ophelia" and "Salome"

Abstract

Introduction. The article suggests the archetypes of "Ophelia" and "Salome" as symbolic constructions of women's perception in the social consciousness at the turn on the XIX century. These antithetical archetypes – images of a submissive and a dangerous woman – served as the instruments of cultural control and normalization of gender roles. Today, they continue to determine the perception of the femininity in the contemporary society. The purpose of the article is to analyze how these archetypes, rooted in the cultural and artistic traditions of the turn of the XIX century, function as the instruments of gender subjectification in the patriarchal discourse. By observing their philosophical and socio-political influence, the article aims to reveal how these archetypes exclude women from full subjectivity.

Materials and Methods include synthesis, induction, deduction and the comparative analysis of the archetypes of "Ophelia" and "Salome" through the lens of social and political philosophy. The theoretical foundations of the article employ the works by Michel Foucault, Judith Butler, Jacques Lacan, Laura Mulvey, Simone de Beauvoir, and other scholars as well as contemporary academic literature on philosophical, feminist and cultural issues.

Results of the study demonstrate that "Ophelia" and "Salome" serve as contradictory poles in the patriarchal symbolic order: one represents an idealized submission, while the other – a dangerous autonomy. Despite their contrast, both archetypes ultimately reject the true subjectification of women, reinforcing binary cultural codes that regulate gender norms and social roles.

Discussion and Conclusion. The article emphasizes the necessity of deconstruction of these inherited narratives and reevaluation of female subjectification beyond the dichotomy of submission and threat. Feminist critique and cultural reconsideration are suggested as possible strategies for resistance, which would allow for new ways of representation that go beyond archetypal limitations. The proposed arguments and conclusions create implications for the further study and development of a system of female archetypes throughout the XX century and to the present day.

Keywords: archetypes, femininity, gender roles, social roles, cultural codes, subjectification, patriarchal order, social control.

For citation: Drozdova A. A. Socio-Philosophical Analysis of Symbolic Representations of Women's Roles at the Turn of the XIX Century: "Ophelia" and "Salome". *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(3): 273–283. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.273-283.

Введение

В ходе исторического развития гендерные роли и ожидания, возлагаемые на женщин, формировались через сложное взаимодействие социальных, культурных и политических факторов. Эти роли часто закреплялись символическими представлениями, которые не только отражали общественные ценности, но и активно способствовали их воспроизводству. В частности, архетипы

женственности служили мощными инструментами в определении и регулировании поведения, идентичности и ролей женщин в социальном устройстве. Эти архетипы, часто уходящие корнями в литературу, искусство и мифологию, дают представление о том, как общество понимало и конструировало концепцию женственности.

На рубеже XIX–XX вв., когда общество столкнулось с глубокими социальными

трансформациями – индустриализацией, модернизмом и сдвигами в гендерных отношениях – два женских архетипа стали доминирующими фигурами в культурном дискурсе [12, р. 467]. Эти фигуры, хотя и резко контрастирующие по своей природе, играли значительную роль в социальной и политической динамике того времени. Одна из них, пассивная и эмоциональная женщина, олицетворяет уязвимость и самопожертвование; другая, сексуально раскрепощенная и опасная, представляет собой вызов патриархальному порядку через свои желания и деятельность.

Эти два полюса можно было бы определить как архетипы Офелии и Саломеи, где одна – жертва своих эмоций, а другая – проводник своих желаний. Обе фигуры, несмотря на их антитетические черты, связаны одной и той же социальной логикой, которая стремится контролировать и определять роли женщин в обществе. Путем анализа этих двух предложенных архетипов в контексте рубежа XIX–XX вв. статья направлена на исследование того, как данные архетипы отражают более широкий социально-политический контекст, в котором они возникли, и как они активно формировали социальные ожидания от женщин.

Таким образом, основная цель этой статьи – проанализировать социальное и политическое значение архетипов Офелии и Саломеи. Используя теории социальной и политической философии, феминистской теории и теории власти и субъективации, мы рассмотрим, как эти фигуры функционируют в качестве механизмов социального контроля. Они не только отражают культурные идеалы, но и играют активную роль в подчинении женщин, формируя то, как их воспринимают, понимают, и какого поведения от них ожидают в общественном сознании. Благодаря этому анализу мы увидим, что эти архетипы – не просто вымышленные конструкции, а неотъемлемые

элементы символических систем, которые структурировали идентичности женщин в патриархальном обществе. В статье также будет рассмотрена современная актуальность этих архетипов – то, как они продолжают влиять на общественные взгляды на женщин, их автономию и их роли в современном мире.

Обзор литературы

Концепция архетипов долгое время играла важную роль в понимании того, как общества кодифицируют и закрепляют гендерные нормы. К. Г. Юнг возводил понятие архетипов к «Идее» в платоновском смысле и представлял их как исконные образы, находящиеся в коллективном бессознательном и проявляющиеся через мифы, сны и культурные повествования. Среди них архетипы «анима» (как женская и хтоническая часть души) и «мать» сыграли решающую роль в формировании восприятия женственности, часто подчеркивая заботливость, плодородие, сочувствие, пассивность и эмоциональность, но в то же время и магическую власть женщины [7, с. 70–75].

Однако современные ученые утверждают, что архетипы не являются статическими психологическими сущностями, а динамически конструируются посредством социокультурных процессов. Теория дискурса и власти М. Фуко разъясняет, как общественные институты производят и регулируют знание, тем самым формируя идентичности, включая гендерные роли. М. Фуко объясняет, что знание и смысл производятся в дискурсивных формациях – исторически конкретных системах мышления [5, с. 135]. В этой структуре архетипы можно рассматривать как символические фигуры, возникающие и действующие в таких дискурсах. Например, «покорная женщина» или «опасная роковая женщина» – это не вечные юнгианские универсалии, а повторяющиеся фигуры в патриархальном дискурсе. В «Надзирать и наказывать»

М. Фуко описывает, как современная власть работает не посредством репрессий, а посредством надзора, категоризации и нормализации [5, с. 142]. Таким образом, можно утверждать, что предложенные архетипы становятся инструментами нормализации, помогая производить и укреплять ожидаемое поведение (например, женщины должны быть либо скромными, как Офелия, либо соблазнительными, как Саломея). Так, эти фигуры можно рассматривать как идеологические шаблоны, которые направляют поведение и позволяют обществу отслеживать отклонения. Если женщина выходит за рамки «приемлемой женственности», ее относят к категории девиантных.

Д. Батлер развила эту идею, критикуя понятие врожденных гендерных идентичностей и предполагая, что гендер является перформативным, т. е. серией действий и выражений, которые составляют иллюзию стабильной идентичности [1, с. 51]. Эта точка зрения подчеркивает роль повторяющихся социальных представлений в укреплении гендерных норм, при этом архетипы служат шаблонами для этих представлений.

С психоаналитической точки зрения Н. Чодороу считает, что ранние семейные отношения влияют на формирование гендерной идентичности. Она утверждает, что роль женщины как основного опекуна увековечивает цикл, в котором дочери усваивают материнские архетипы, усиливая традиционные женские роли и ограничивая развитие автономных женских идентичностей [6, с. 102].

Период рубежа XIX–XX вв. в Европе был отмечен глубокими культурными, политическими и философскими сдвигами. Индустриализация, урбанизация и рост среднего класса изменили структуру повседневной жизни и стали оказывать все большее давление на традиционные гендерные роли. В этом климате так называемый женский вопрос возник не просто как

дискуссия о правах женщин, но как более глубокое беспокойство об общественном порядке, сексуальности и статусе субъекта. Это беспокойство проникло в художественный, литературный и философский дискурс, особенно в контексте того, как воображали, представляли и ограничивали женственность [13, р. 152].

Именно так архетипы Офелии и Саломеи приобрели символическую привлекательность. Их возрождение в конце XIX в. – в живописи, театре, опере и литературе – совпало с растущей обеспокоенностью по поводу того, какие роли женщинам разрешено или запрещено играть в современном мире. Эти архетипы служили культурной кодификацией женственности в условиях патриархата: два противоположных образа, которые определяли границы приемлемой женской субъективности [12, р. 469]. Российские ученые при исследовании этого исторического контекста анализировали, как архетипические образы в литературе и фольклоре способствовали формированию гендерных ролей в культурных контекстах. Например, Е. М. Мелетинский исследовал роль литературных архетипов в стабилизации социального смысла в периоды потрясений, подчеркивая их функцию в укреплении или оспаривании господствующих гендерных норм [4, с. 5].

Первый из предложенных архетипов – Офелия из «Гамлета» У. Шекспира – широко интерпретируется как символ пассивной и жертвенной женственности. Ее определяющие черты: молчание, послушание, эмоциональная нестабильность и в итоге самоуничтожение – не только являются индивидуальными характеристиками, но и отражают системные гендерные нормы, которые возводят пассивность и страдание женщин в культурный идеал. Она существует в основном относительно мужских фигур (ее отца Полония и Гамлета), с небольшим количеством независимого пове-

ствования или действия. Ее эмоциональный распад и смерть становятся эстетизированными символами «женской хрупкости» и воспроизводят патриархальные тропы, которые отождествляют женственность с бессилием и безумием [22, р. 2].

Офелия олицетворяет так называемую идеальную женщину патриархальной культуры: послушную, самоотверженную, эмоционально восприимчивую. Однако этот идеал глубоко амбивалентен. Хотя ее покорность изначально восхваляется, она одновременно делает ее уязвимой для краха. Те же социальные структуры, которые возвышают ее послушание, наказывают ее за эмоциональный избыток, тем самым усиливая идею о том, что женщины по своей природе нестабильны и нуждаются в контроле [14, с. 80]. Ее безумие – это не просто личная трагедия, а социально предписанное последствие ее неспособности противостоять противоречивым требованиям, предъявляемым к ней как к женщине в символическом порядке, управляемом мужской властью [8, с. 459].

Теория дисциплинарной власти М. Фуко [5, с. 151] дает основу для понимания того, как поведение Офелии отражает нормализованную, социально навязанную женственность. М. Фуко утверждает, что институты (школы, тюрьмы, семьи) производят «послушные тела», которые усваивают нормы посредством надзора, повторения и исправления. Таким образом, Офелию можно рассматривать как продукт этих механизмов власти – ее женственность дисциплинирована до точки стирания. Ее срыв, таким образом, олицетворяет наказание за отклонение: она не может поддерживать невозможные стандарты идеализированной женственности и, таким образом, оказывается втянутой в символическую смерть.

В свою очередь, во «Втором поле» С. де Бовуар критикует историческое позиционирование женщины как Другого – не

самоопределяемого субъекта, а отражения мужчины [2, с. 125]. Все присутствие персонажа Офелии в повествовании определяется через мужское восприятие и желание: как дочери, как возлюбленной, как объекта скорби. Ее безумие – не бунт, а крах в небытие, иллюстрирующий идею С. де Бовуар о том, что женщина создана, чтобы «существовать для других» и лишена субъектности. Эта интерпретация представляет Офелию не как трагическую героиню, а как элемент символической системы, которая отказывается признавать женщин в качестве полноправных агентов.

Романтизация безумия Офелии в литературе и искусстве помогла эстетизировать женские страдания как прекрасные и естественные. Повторяющийся визуальный мотив – Офелия, плывущая по течению реки, окруженная цветами, – усиливает культурные сценарии, идеализирующие пассивную, трагическую женственность. Превращая страдания в искусство, этот мотив скрывает насильственность социальных ролей, делая патриархальный контроль как невидимым, так и желанным [14, с. 82]. Дело не только в том, что Офелия умирает, но и в том, что ее смерть становится прекрасной.

Второй из женских архетипов, превалирующих на рубеже XIX и XX вв., – это архетип Саломеи. Он представляет собой инверсию покорной женственности: она соблазнительна, активна и угрожающа. Возникнув в библейской истории, позже адаптированный О. Уайльдом, Г. Моро и Р. Штраусом, образ Саломеи стал мощным образом женщины, которая осуществляет контроль над мужским желанием, часто через свою сексуальность. Ее танец семи покрывал – это не просто эротическое представление, а ритуализированный акт власти – изображение ужаса, связанного с женской силой в традиционном мужском порядке [13, с. 217; 25, р. 165]. Ее не просто желают, но и боятся.

Образ роковой женщины, особенно популярный в fin de siècle, выполняет функцию социального предупреждения против женской автономии. Сексуальность Саломеи изображается как опасная, извращенная и в итоге разрушительная. Этот архетип проецирует на женское тело мужские страхи перед женской властью, тем самым демонизируя женщин, которые отклоняются от пассивного идеала. Представляя автономных женщин как чудовищных или безнравственных, культура подавляет реальную женскую деятельность под видом морального и эстетического осуждения [23, p. 108].

В лакановском психоанализе женщина занимает позицию Другого, т. е. выступает и как объект желания, и как объект структурного разрыва в символическом порядке. В своем семинаре *Encore* (1972–1973) Ж. Лакан утверждает, что “*La femme n’existe pas*” («Женщина не существует»), не для того, чтобы отрицать существование реальных женщин, а чтобы подчеркнуть, что женщина не может быть полностью представлена в фаллоцентрической символической системе [3, с. 88]. Саломея с ее неуправляемым желанием и отказом соответствовать общепринятым нормам является примером этого нарушения. Ее способность манипулировать желанием изнутри и отказываться от символического сдерживания делает ее угрозой мужской субъективности.

Теория мужского взгляда Л. Малви, разработанная в ее эссе «Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф» (1975), утверждает, что женщины в визуальной культуре созданы в первую очередь для получения удовольствия при мужском просмотре. Камера соответствует мужскому желанию, позиционируя женское тело как зрелище [21, с. 7]. Изображение Саломеи, особенно в кино и живописи, прекрасно иллюстрирует этот механизм. Ее показывают танцующей, на нее смотрят, она

поглощается зрителем, но одновременно угрожает зрителю своей разрушительной эротической деятельностью.

Таким образом, архетип Саломеи конструирует женскую силу как девиантную, эротизированную и в итоге фатальную. Культурное представление женщин, которые действуют, говорят или желают, становится способом кодирования мужских тревог о потере контроля. Роковая женщина становится симптомом патриархальной паники – фигурой, одновременно созданной и наказанной структурами, которые ее боятся [13, с. 220].

Результаты исследования

Хотя Офелия и Саломея кажутся диаметрально противоположными – одна пассивная и трагичная, другая соблазнительная и трансгрессивная, – они обе являются продуктами одного и того же патриархального символического порядка. Они представляют два полюса спектра приемлемой женственности: ангельскую жертву и демоническую соблазнительницу. Эта бинарность не освобождает, а ограничивает, предлагая женщинам лишь иллюзию выбора между подчинением и демонизацией. Как утверждают исследователи, женственность – это не естественная сущность, а сконструированное представление, сформированное и ограниченное символическими и дискурсивными нормами [1, с. 55; 18, с. 26]. Оба архетипа поддерживают фаллоцентрическую структуру, отрицая женскую субъективность: Офелия – через исчезновение, а Саломея – через наказание.

Эти архетипы исключают признание женщины как полноценного субъекта. В культурном воображении Офелия – молчаливый, хрупкий идеал, эмоционально нестабильный и в итоге принесенный в жертву. Саломея, с другой стороны, – женщина, которая действует, но ее действия изображаются как чудовищные, угрожающие символическому порядку. Как предполага-

ет Ж. Лакан, женщина, которая ускользает от фаллического означающего, становится поводом для беспокойства [3, с. 82]. Таким образом, представленный выбор ложный: быть пассивной и исчезнувшей или могущественной и девиантной.

Опираясь на труды М. Фуко, можно утверждать, что оба архетипа являются дисциплинарными механизмами. Фигура Офелии выполняет функцию нормализации пассивности, в то время как Саломея выполняет функцию предупреждения против излишеств или трансгрессии. Эти представления работают на интернализацию контроля, побуждая женщин контролировать собственное поведение и желания в соответствии с культурными нормами [5, с. 148].

Устойчивое присутствие этих архетипов в литературе, искусстве и средствах массовой информации воспроизводит их в коллективном бессознательном, влияя на социальные ожидания от женщин. Эстетические представления становятся регулируемыми инструментами: они формируют нормы женственности, определяя, что красиво, приемлемо или опасно. Таким образом, архетипы становятся политическими – они проникают в образовательные системы, правовую риторику и популярную культуру, сводя сложную реальность женской субъективности к чрезмерно упрощенным тропам [13, с. 217].

Опираясь на современную гендерную теорию, эти архетипы можно рассмотреть не как исторические концепции, а как активные элементы в субъективации женщин. Диалектика между Офелией и Саломеей продолжает определять границы «приемлемой» женственности, поддерживая бинарную логику подчинения или угрозы. Чтобы разрушить эту структуру, необходимо как деконструировать эти образы, так и предложить альтернативные способы представления женщин, которые утверждают мно-

жественность, активность и автономию [11, с. 22; 20, с. 39].

Несмотря на исторические корни, архетипы Офелии и Саломеи продолжают структурировать культурные и социальные ожидания от женщин. В современных обществах эти фигуры не исчезли, а скорее адаптировались к новым формам, часто замаскированным под личный выбор или эстетические предпочтения. Теория гендерной перформативности Д. Батлер остается центральной для понимания того, как такие архетипы сохраняются: это не просто унаследованные образы, а воплощенные нормы, которые постоянно повторяются и усиливаются посредством повседневной практики [1, с. 79]. Как отмечает профессор Р. Гилл, современные медиа пропагандируют «постфеминистскую восприимчивость», где традиционные гендерные нормы переименовываются в расширение прав и возможностей, тем самым повторно вводя старые архетипы под видом прогресса [16, р. 140].

Даже в обществах, которые формально пропагандируют гендерное равенство, архетипические бинарности продолжают функционировать как культурные коды. Женщины по-прежнему часто представлены в популярной культуре либо как «хорошие девочки», либо как «роковые женщины», а их ценность и мораль часто связаны с сексуальным поведением, эмоциональным самовыражением или покорностью. Эти представления формируют то, как женщины интернализуют социальные ожидания, включая дисциплинирование женского тела и эмоций [10, с. 213].

Архетипы стали встроенными в медиа-нарративы, рекламу, политический дискурс и даже детское образование. Женщины в медиа часто изображаются либо как жертвы, нуждающиеся в спасении, либо как опасно амбициозные, что перекликается с архетипами Офелии и Саломеи. Эти

роли не навязываются явно, но усваиваются посредством повторения, фрейминга и политики образов [17, р. 1318]. Процесс архетипизации функционирует через то, что Бурдые описал как «символическое насилие» – форму господства, которая является тонкой, интернализированной и неправильно распознается как естественная [9, р. 79]. В политике архетипическое фреймирование влияет на то, как воспринимаются женщины-лидеры и общественные деятели. Эмоциональная сдержанность может характеризовать женщину как «холодную» и «неженственную» (отсылая к архетипу Офелии), в то время как напористость может быть закодирована как угрожающая или манипулятивная (что соответствует архетипу Саломеи) [24, р. 282].

Однако архетипы не являются неизменными. Феминистская критика предоставляет инструменты как для разоблачения, так и для подрыва этих символических форм. Благодаря критической медиаграмотности, культурному анализу и художественной реинтерпретации появляются новые представления, которые сопротивляются бинарности покорной и угрожающей женственности. Например, рост интерсекционального феминизма ввел более сложные понимания субъективности и воплощения [11, с. 25].

Современные феминистские искусство, литература и теория переосмыслили фигуры Офелии и Саломеи. Вместо пассивных жертв или соблазнительных угроз они переопределены в сложных агентов, управляющих системами контроля. Эта переинтерпретация предлагает путь к символическому освобождению: не стирание архетипов, а их трансформация из инструментов контроля в инструменты самовыражения и сопротивления [19, с. 139]. В конечном счете, как напоминает нам М. Фуко, где есть власть, там есть и сопротивление [5, с. 149]. Деконструкция архе-

типов открывает пространство для новых повествований о женственности – тех, которые утверждают множественность, автономию и субъективность за пределами патриархальных сценариев.

Обсуждение и заключение

Архетипы Офелии и Саломеи – это не просто литературные или художественные образы; они функционируют как механизмы социального контроля, встроенные в культурную память. Эти фигуры иллюстрируют бинарную логику, посредством которой патриархальные общества структурируют женскую идентичность: покорная, самостирающаяся женщина против соблазнительной, угрожающей. Их существование показывает, как символические рамки формируют реальные социальные ожидания и ограничивают женскую субъектность.

Как показал наш анализ, архетипы глубоко переплетены с системами власти, идентичности и телесности. Опираясь на концепцию дисциплинарной власти М. Фуко и теорию гендерной перформативности Д. Батлер, мы можем понять, как эти фигуры участвуют в нормализации гендерных субъектных позиций. Уязвимость Офелии становится культурным кодом идеализированной женской пассивности, в то время как сексуальность Саломеи представляется как угроза, требующая сдерживания. В обоих случаях тело и желание женщины интерпретируются через призму мужского контроля, как описано в теории мужского взгляда Л. Малви [21] и в работе С. Бордо о дисциплинировании женского тела [10].

Чтобы выйти за рамки этих ограничивающих архетипов, требуется философская переоценка женской субъективности вне бинарных кодов культуры. Вместо того чтобы постоянно выбирать между послушанием или разрушением, невидимостью или гиперзаметностью, женщин следует концептуализировать как сложных, автономных субъектов, идентичности которых

не сводятся к символическим ролям. Феминистская теория предлагает инструменты для деконструкции унаследованных нарративов и создания новых дискурсивных пространств, где женственность может быть артикулирована в терминах независимости,

множественности и сопротивления. В этом свете архетипы Офелии и Саломеи перестают быть закрытыми символами и становятся возможностью для потенциальной трансформации, открывая путь альтернативным модусам женственности.

Список источников

1. Батлер Д. Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности. М.: V-A-C Press, 2022. 269 с.
2. де Бовуар С. Второй пол. М.: Азбука-Аттикус, 2017. 928 с.
3. Лакан Ж. Семинары. Книга 20. Еще (1972–1973). М.: Гнозис, 2011. 176 с.
4. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах // Вопросы литературы. 1998. № 4. С. 3–17.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
6. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006. 292 с.
7. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019. 496 с.
8. Ahmad F. Gendering Women: Body, Power and the Processes of Subjectivation // Journal of Education Culture and Society. 2023. No. 1. P. 451–464.
9. Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford: Stanford University Press, 2001. 79 p.
10. Bordo S. Unbearable Weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, 1993. 213 p.
11. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 229 p.
12. Brokoph-Mauch G. Salome and Ophelia: The Portrayal of Women in Art and Literature at the Turn of the Century // The Turn of the Century: Modernism and Modernity in Literature and the Arts. Berlin, 1995. P. 466–474.
13. Bronfen E. Over Her Dead Body: Death, Femininity and the Aesthetic. Manchester: Manchester University Press, 1992. 480 p.
14. Chen Xinyi. Water and Woman: Ophelia's Femininity in the Elizabethan Age // Proceedings of the 2nd International Conference on Literature, Art and Human Development (ICLAHD 2020). 2020. P. 250–256.
15. Genz S., Brabon B. A. Postfeminism: Cultural Texts and Theories. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 152 p.
16. Gill R. Gender and the Media. Cambridge: Polity Press, 2007. 140 p.
17. Gill R., Shani O. The Shifting Terrain of Sex and Power: From the 'Sexualization of Culture' to #MeToo // Sexualities. 2018. Vol. 21, No. 8. P. 1313–1324.
18. Irigaray L. This Sex Which Is Not One. Ithaca: Cornell University Press, 1985. 26 p.
19. Jones A. Body Art: Performing the Subject. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. 139 p.
20. McRobbie A. The Aftermath of Feminism: Gender, Culture and Social Change. London: SAGE Publications, 2009. 39 p.
21. Mulvey L. Visual Pleasure and Narrative Cinema // Screen. 1975. Vol. 16. No. 3. P. 6–18.
22. Rogers W. Female Norms and the Patriarchal Power Structure in Shakespeare's Hamlet // Inquiries Journal. 2018. Vol. 10, No. 10. P. 1–4.
23. Segal N. The 'Femme Fatale': A Literary and Cultural Version of Femicide // Qualitative Sociology Review. 2017. Vol. 13, No. 3. P. 102–117.
24. Trimble L., Wagner A., Sampert S., Gerrits B. Gender, Competitiveness, and Candidate Visibility in Newspaper Coverage of Canadian Party Leadership Contests // The International Journal of Press/Politics. 2017. Vol. 22, No. 3. P. 275–299.
25. Yeeyon Im. A Seriousness That Fails: Reconsidering Symbolism in Oscar Wilde's Salomé // Victorian Literature and Culture. 2017; Vol. 45, No. 1. P. 163–175.

References

1. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. Moscow: V-A-C Press, 2022. 269 p. (In Russ.)
2. de Beauvoir S. The Second Sex. Moscow: Azbuka-Atticus, 2017. 928 p. (In Russ.)
3. Lacan J. Encore: The Seminar, Book XX. Moscow: Gnosis, 2011. 176 p. (In Russ.)
4. Meletinsky E. M. On Literary Archetypes. *Voprosy Literature* = Questions of Literature. 1998; 4: 3–17. (In Russ.)
5. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Moscow: Ad Marginem, 1999. 480 p. (In Russ.)
6. Chodorow N. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2006. 292 p. (In Russ.)
7. Jung C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious. Moscow: AST, 2019. 496 p. (In Russ.)
8. Ahmad F. Gendering Women: Body, Power and the Processes of Subjectivation. *Journal of Education Culture and Society*. 2023. No. 1. P. 451–464. (In Eng.)
9. Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford: Stanford University Press, 2001. 79 p. (In Eng.)
10. Bordo S. Unbearable Weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, 1993. 213 p. (In Eng.)
11. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 229 p. (In Eng.)
12. Brokoph-Mauch G. Salome and Ophelia: The Portrayal of Women in Art and Literature at the Turn of the Century. *The Turn of the Century: Modernism and Modernity in Literature and the Arts*, edited by Christiane von Borries-Berg, 466–474. Berlin: de Gruyter, 1995. (In Eng.)
13. Bronfen E. Over Her Dead Body: Death, Femininity and the Aesthetic. Manchester: Manchester University Press, 1992. (In Eng.)
14. Chen Xinyi. Water and Woman: Ophelia's Femininity in the Elizabethan Age. *Proceedings of the 2nd International Conference on Literature, Art and Human Development (ICLAHD 2020)*. 2020. P. 250–256.
15. Genz S., Brabon B. A. Postfeminism: Cultural Texts and Theories. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 152 p. (In Eng.)
16. Gill R. Gender and the Media. Cambridge: Polity Press, 2007. 140 p. (In Eng.)
17. Gill R., Shani O. The Shifting Terrain of Sex and Power: From the 'Sexualization of Culture' to #MeToo. *Sexualities* 21. 2018; 8: 1313–1324. (In Eng.)
18. Irigaray L. This Sex Which Is Not One. Ithaca: Cornell University Press, 1985. 26 p. (In Eng.)
19. Jones A. Body Art: Performing the Subject. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. 139 p. (In Eng.)
20. McRobbie A. The Aftermath of Feminism: Gender, Culture and Social Change. London: SAGE Publications, 2009. 39 p. (In Eng.)
21. Mulvey L. Visual Pleasure and Narrative Cinema. *Screen* 16. 1975; 3: 6–18. (In Eng.)
22. Rogers W. Female Norms and the Patriarchal Power Structure in Shakespeare's Hamlet. *Inquiries Journal*. 2018; 10-10: 1–4. (In Eng.)
23. Segal N. The 'Femme Fatale': A Literary and Cultural Version of Femicide. *Qualitative Sociology Review*. 2017; 13-3: 102–117. (In Eng.)
24. Trimble L., Wagner A., Sampert S., Gerrits B. Gender, Competitiveness, and Candidate Visibility in Newspaper Coverage of Canadian Party Leadership Contests. *The International Journal of Press/Politics*. 2017; 22-3: 275–299. (In Eng.)
25. Yeeyon Im. Seriousness That Fails: Reconsidering Symbolism in Oscar Wilde's Salomé. *Victorian Literature and Culture*. 2017; 45: 163–175. (In Eng.)

Поступила 13.05.2025.

Сведения об авторе

Дроздова Анна Антоновна – аспирант кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). Сфера научных интересов: социальная и политическая философия, культурология, история искусств. Автор 3 научно-популярных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9138-0288>.

E-mail: adrozdonet@mail.ru

Submitted 13.05.2025.

About the author

Anna A. Drozdova – Post Graduate Student, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). Research interests include social and political philosophy, cultural studies, and art history. Author of 3 popular science publications. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9138-0288>.

E-mail: adrozdonet@mail.ru